

Alimentary Figurativeness in the Novel by A.V. Korolev “Laughter”

Elena E. Zavyalova

Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. Email: [zavyalovaelena\[at\]mail.ru](mailto:zavyalovaelena[at]mail.ru)

Abstract

The purpose of the study was to determine the functions of alimentary signs in the novel “Laughter” by A.V. Korolev (2001–2011). Elements related to food images, situations, and customs related to gastronomy were identified, analyzed, and systematized. It is proved that the author of the work actively uses stable phrases associated with images of food. Allegorical turns of “Laughter” contain references to the absorption and digestion of food, and a number of coloronyms are based on “food” associations. Most case-law texts are chosen on the same principle. The novel lists animals that are suitable for traditional cuisine. Birds are mentioned many times. The primacy in the plot belongs to quails and chickens, which is explained by a number of circumstances of folklore, social-historical, domestic and physiological nature. In the minds of ordinary characters, food becomes the substratum of existence. Quite often in “Laughter” the theme of Anthropophagy sounds. The reversibility of food to the eater, the transformation of dishes for a wedding celebration into dishes for a funeral meal—fundamentally important for understanding the idea of “Laughter” inversions. A.V. Korolev brings the image of the victim to the fore. Many lines of the novel are connected with the problem of cruelty: Palace intrigues at the court of the Bourbons, mass propaganda during the Third Reich, Stalin's system of terror and informers, “Nord-Ost”. In “Laughter” the writer clearly and in detail recreates the panorama of modern hedonism. The novel by A.V. Korolev could be called “The History of World GourMania.”

Keywords

Alimentary Imagery; Food Code; Anthropophagy; Hedonism; Sacrifice; Archaic Notions; Metaphorism; Mythopoetics; The Nature Of The Comic; Inversion

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Алиментарная образность в романе А.В. Королёва «Хохот»

Завьялова Елена Евгеньевна

Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия. Email: zavyalovaelena[at]mail.ru

Аннотация

Целью исследования стало определение функций алиментарных знаков в романе А.В. Королёва «Хохот» (2001–2011). Были выявлены, проанализированы, систематизированы элементы, связанные с образами еды, ситуации и обычаи, касающиеся гастрономии. Доказано, что автор произведения активно использует устойчивые словосочетания, связанные с образами пищи. Вводит в речь персонажей жаргонизмы и вульгаризмы, имеющие алиментарные омонимы. Иносказательные обороты «Хохота» содержат упоминания о поглощении и переваривании еды, на «пищевых» ассоциациях построен ряд колоронимов. Большинство прецедентных текстов выбрано по тому же принципу. В романе перечисляются животные, которые пригодны для традиционной кухни: коровы, овцы, кролики, зайцы, свиньи и проч. Много раз упоминаются птицы: утки, гуси, куропатки, кулики, страусы, голуби. Первенство в сюжете принадлежит перепёлкам и курам, что объясняется рядом обстоятельств фольклорного, социального-исторического, бытового и физиологического характера. В сознании персонажей-обывателей еда делается субстратом сущего. Концепция тотальной съедобности подкрепляется мотивом поедания себе подобных. Достаточно часто в «Хохоте» звучит тема антропофагии. Обратимость еды в едока, превращение блюд для свадебного торжества в блюда для похоронной трапезы – принципиально важные для понимания идеи «Хохота» инверсий. Их символика не просто отсылает к архаическим представлениям, но имеет концептуальную подоплёку. На первый план А.В. Королёв выводит образ жертвы. С проблемой жестокости связаны многие линии романа: дворцовые интриги при дворе Бурбонов, массовая пропаганда времён Третьего Рейха, сталинская система террора и доноительства, «Норд-Ост». Делается вывод о том, что в «Хохоте» писатель наглядно и подробно воссоздаёт панораму современного гедонизма. И роман А.В. Королёва можно было бы назвать «Историей мировой гурМании».

Ключевые слова

алиментарная образность; пищевой код; антропофагия; гедонизм; жертва; архаические представления; метафоризм; мифопоэтика; природа комизма; инверсия

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

«Хохот» – изящный роман, построенный на созвучиях, повторах, каламбурах. По определению К. Ямщикова, это – «лаконичная философская фантазмагория» (2019). Сочинённая под знаком обериутов, как сообщает сам автор-повествователь¹ [12]. Принцип организации материала схематически представлен на второй странице произведения: «Роман-томан-туман-тумак-томат-топор-топот-хохот» [6]. На восьмой находим и подходящий научный термин – «флуктуации метаморфоз» [12]. А.В. Королёв задействует повторы на ритмическом, фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом, семантическом уровнях, мастерски проводит исторические аналогии, извлекая из «странных сближений» потаённый смысл. Многочисленные параллели нацелены на то, чтобы понять, познать, объяснить происходящее с миром.

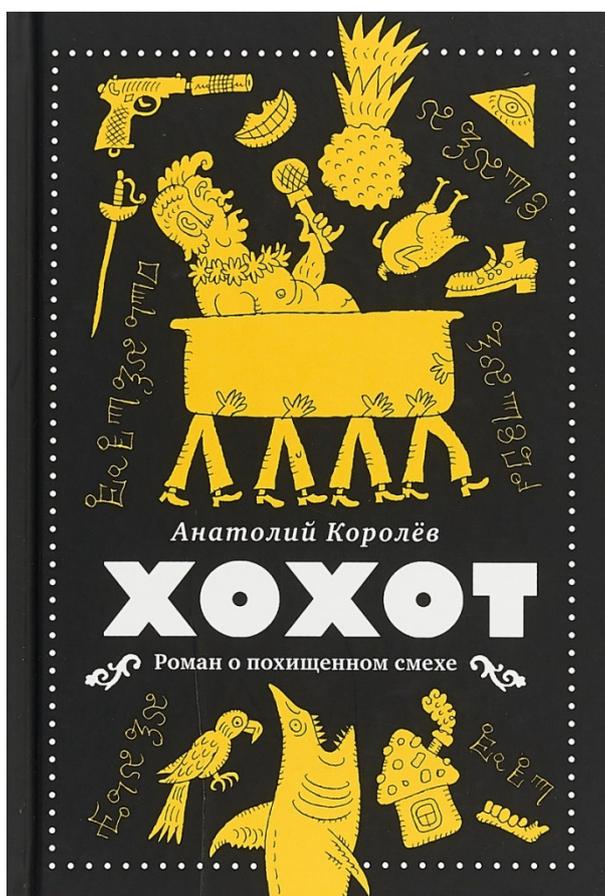

Рис 1. Обложка книги А.В. Королёва
Fig. 1. Cover of the book by A.V. Korolev

¹ Здесь и далее роман А.В. Королёва цитируется по изданию (Королёв, 2018) с указанием номера страницы в квадратных скобках.

Одним из самых важных в «Хохоте» является алиментарный семантический комплекс, включающий в себя, по Р. Барту, «систему коммуникации, собрание образов, свод обычаев, ситуаций и поступков» (2003, с. 368). Произведение обрамляют эпизоды поедания тортов: роман начинается с подлинной истории о коллективной дегустации кондитерского изделия в виде Ильича, а заканчивается вымышленным рассказом об уничтожении похищенного десерта в виде Элвиса Пресли. Основа повествования – страдания «трёх отморозков» [143], оставленных без пропитания.

А.В. Королёв не просто сочиняет анекдот о еде: он внедряет в повествование сюжеты, основанные на документальных источниках на тему фагологии (термин В.С. Елистратова (2014, с. 44)), активно использует многообразные интертекстуальные пласты, создавая своего рода перечень гастрономических феноменов. «Хохот» содержит сцены с описанием приёма пищи на лесной поляне, в ресторане, галерее, кабинете, подвале, легковушке, холодильнике – в разных странах в разные эпохи.

Задачами настоящего исследования стали выявление, анализ, систематизация алиментарных знаков в романе – с целью определения их функций.

Образный строй языка романа

Гастрономические образы являются универсальным источником метафорических аналогий и характеристик широкого круга объектов действительности (Юрина, 2015, с. 208). Но и с учётом их массовой распространённости частотность подобных единиц в произведении А.В. Королёва слишком высока.

Писатель использует **устойчивые словосочетания**, реализующие уподобление («...были фирменным блюдом» [8], «...угодил, как банальный кур, в ошип» [11], «он вас раскусил, облупленная вы моя...» [86]); образные слова с метафорической внутренней формой («заморили червячка» [137], «остаться на бобах» [153], подошва ботинок «типа манная каша»¹ [78]).

В речь персонажей вводятся жаргонизмы и вульгаризмы, имеющие алиментарные омонимы: «голубец» [9], «сучий потрох» [145]. Сленговое выражение переиначивается писателем на кулинарный лад: «Не брякай яишной...» [66]. Знаменательно постоянное использование героями фонетического субстита «блин»: Тетелем [24], Нероном Перепёлкой [9, 49, 98, 102, 135], Квасковым [43], Бабой-ягой [45]. Лексические значения слова напрямую сопоставляются в диалоге бандита Пети с ведьмой: «“Ну, блин, подавай на стол. Есть хочу, мочи нет.” – “Какие блины, Ванюша? Муки нету”» [69].

Метафорическая интерпретация изображаемого в произведении базируется на тех же принципах. На «пищевых» ассоциациях построен ряд **колоронимов**: «абрикосовый свет летнего дня» [15], «жирный блеск желтка золотой

¹ Имеется в виду невулканизированный каучук.

перевязи» [105], «очки с отливом чёрной маслины» [117], бледность лица цвета «белого кайенского перца» [133], «брюхастые облака цвета океанической сельди» [40], фигура человека, тускло сияющая «сырым лиловато-синим цветом свежей сельди» [15]. В последнем примере наблюдаем синэстетический эффект. Транспозиция чувственных восприятий при репрезентации кулинарного кода имеет системный характер, поскольку процесс распознавания вкуса – это комплекс собственно вкусовых, обонятельных, термических, механических, зрительных, звуковых ощущений. А.В. Королёв активно использует эту особенность перцепции.

В «Хохоте» много **тропов**, связанных с процессом приготовления пищи: «...Сказал виртуоз, как отрезал (кусок ветчины одним махом ножа)» [28]; «Так кухарка ругает соль за то, что она слишком солёная, когда пересолит суп» [19]; «Текст окутан чадом, как сковорода с пригоревшим маслом...» [67]. Ещё больше иносказательных оборотов, в которых упоминаются процессы ожидания, поглощения и переваривания еды: «гастрономы ленинизма» [7], «гастрономы шока» [23], «лакомство духа» [14] и т.п. Знаменательны в этом смысле изречения: «Бутерброд рока падает дважды» [125]; «Ревность... лучший гарнир для любви» [126]; «Смех – желудок души, без него жизнь не переваришь...» [18]. Более того, в интервью, посвящённом роману, А.В. Королёв использует характерный оборот: «Поймите, времени на художественный вымысел и выпечку пиццы просто не остаётся» (2011).

Отрывки из дневника писателя, помещённые внутри повествования, тоже содержат много алиментарных элементов. Например: «С точки зрения мальчика, единственное в жизни, чего я достиг, став взрослым... научился есть колбасу с жиром» [67]. Специфика сравнений позволяет заключить, что автор наделён способностью к уникальному восприятию вещного мира – через вкусовые ощущения. Поэтому алые буквы с постера (цвета губной помады) он откусывает, «как куски малинового шербета» [77], багряные отражатели на крыле велосипеда чудятся ему «кружком рубиновых леденцов» [103], а цвет сигнала представляется «густой витой стружкой малинового сиропа» [103, 156]. Визуально-гастическая синэстетика оказывает на читателя сильное эстетическое воздействие.

Многие **прецедентные тексты**, использованные в романе, также содержат упоминания еды. Например, выкрикиваемые братками в телефонную трубку дразнилки: «Как, как! Не какай в какао, Куку» [43, 66]; «“Кто говорит?” – “Слон.” – “Что вам надо?” – “Шоколада”» [66]; «“Я слушаю”. – “А я кушаю...”» [97]. А также две первые проговариваемые налётчиками детские страшилки: «Чтоб я в шкафу варенье не нашёл...» [8]; «Дочка спросила у мамы конфетку...» [8]. Три пословицы на соответствующую тему собраны в одном предложении: «...недаром в народе сказано: голод не тётка, аппетит приходит во время еды, а кто смел, тот и съел» [137].

Кулинарная «анималистика»

В «Хохоте» перечисляются животные, большей частью те, которые пригодны для традиционной кухни: коровы, овцы, кролики, зайцы, свиньи и проч. Симптоматично, что похитители торта Пресли, связав охранников, затыкают им рты резиновыми поросятами: «По одной штуке на рот...» [10].

Много раз в произведении упоминаются птицы: утки, гуси, куропатки, кулики, страусы, голуби и проч. Они фигурируют в сюжете, как, например, голубь, случайно залетевший «через пролом крыши в зал Суда» [148]. Блистают в качестве главного блюда: как, скажем, турпан – дикая утка, мясо которой единственное, из тех, что «разрешил папа [Римский] в постные дни» [113]. Их перья украшают головные уборы персонажей: шляпа Людовика XIV «с кудрявым страус-пером» [124], шляпка Лени Риф «с прикольным пером чёрного страуса» [53]. Орнитологическая лексика используется для уподоблений: например, бывшая балерина Рифеншталь, чтобы поправить чулок, упирает ногу в трубу отопления «с силой страуса» [56].

Неоднократно «соучастницей» событий в романе становится **курица**. Указанную закономерность можно объяснить следующими причинами. Во-первых, это самое распространённое в мире сельскохозяйственное животное. Во-вторых, курятина – один из наиболее востребованных продуктов, и как ингредиент она входит в состав некоторых упомянутых А.В. Королёвым яств. Но для адекватной интерпретации соответствующих фрагментов произведения не менее важны другие обстоятельства.

В частности, то, что эта птица фигурирует во многих фольклорных текстах (потому как издревле являлась неотъемлемой частью крестьянского хозяйства). Одурманенный наркотиком Квасков видит в лесу избушку на курьих ножках, которая «квохчет, блеет, мычит, кудахчет, клюёт по зёрнышку» [68]. Поскольку, как объясняет повествователь, в его голове «смешались два дискурса» [68] – славянский из сказки о Бабе-яге и западный из истории Гретель и Гензеля, – на этой «куре» [68] бандит обнаруживает леденцовую крышу, а обмануть заточившую его за решётку старую ведьму должен с помощью куриной косточки, просунутой вместо руки через прутья.

Дважды попадающего в «куриный» домик Кваскова зовут Петя. «Товарищи по оружию» [46], надсмехаясь над ним, перефразируют фрагменты сказки «Кот, петух и лиса»: «Петя! Кукареку! Очнись!» [46], «Эй, Петушок, дозвонился коту?» [46]. Из уст братвы прозвище звучит далеко не безобидно, поскольку на тюремном жаргоне обозначает заключённого с самым низким иерархическим статусом, является знаком предельного унижения. Любопытно, что при поедании торта / тела именно этот персонаж решается продегустировать мошонку из плодов авокадо.

Рис. 2. Х. ван Стенвейк «Дичь, рыба, овощи и глиняный бутыль на драпированном столе»

Fig. 2. H. van Steenwijk, "Bird, Fish, Vegetables, and a clay bottle on a draped table."

В комнату к Хармсу заходит старуха, похожая на обитательницу избушки на курьих ножках и на курицу одновременно: «Карга ведёт себя так, словно гостя не Баба-яга костяная нога... <...> На вислых волосатых мочках старухи набрякли, как клипсы, две капли крови. На куриных лапках облачение – куцые лимонные перчатки-митенки в сеточку» [94]. Гостя пытается соблазнить писателя, ведёт себя крайне нелогично. Здесь сравнения с птицей актуализируют семантику женского недорационального начала.

Один из налётчиков, захвативших торт, «...лупцует по затылкам охраны сырой бройлерной курицей с такой силой, что в руке наконец остаётся только обломок кури, а сама тушка отлетает в сторону...» [8]. Вкусовые предпочтения братков свидетельствуют об узости их интересов, умственной ограниченности. Замороженная курица – символ рутинного быта, «низовой повседневной жизни» (Саморукова, 2011, с. 155). Столь оригинальное «оружие» в руках бандита превращает налёт отморозков в фарс.

И, наконец, дважды в «Хохоте» звучит фразеологизм «Курам на смех» [68, 78]. Устойчивое сочетание соотносится с главной темой романа, обусловившей его название. В скобках повествователь замечает: «(Смех кур нечто

вообще неслыханное.)» [79]. Проблематика произведения строится вокруг теории о дионисийской силе смеха. Прямое прочтение устойчивого оборота в таком контексте симптоматично.

Ещё более значим образ **перепёлки**. Первые строки романа посвящены описанию трёх случаев из жизни Дж. Россини, заставивших великого композитора «горюче обливаться слезами» [5]: смерть матери, освистанный «Севильский цирюльник» и потеря деликатеса (великий гурман «нечаянно уронил за борт лодки жареную перепёлку, фаршированную трюфелями» [5]). Согласно распространённым вариантам легенды, в первый раз Дж. Россини плакал, услышав скрипичную игру Паганини. В случае с провалом оперы по комедии П. Бомарше мнения сходятся. А вот история с утратой фаршированной птицы А.В. Королёвым изменена: не перепёлка, а индейка либо утка – ощутимая разница, как с семиотической точки зрения, так и с прагматической (у птиц разные «весовые категории»).

Перепёлка ещё несколько раз фигурирует в сюжете. Профессиональный нищий Хаггард рассказывает, что его мать, посудомойку, уволили якобы за то, что ребёнком он, умирая с голоду, «отломил крылышко у перепёлки, приготовленной для эсквайра» [17]. Лекарь пытается исцелить Людовика XIV ванночками из «крови пяти перепёлок» [123] и массажем «мякотью размятых птичьих сердец» [123]¹. Фамилия одного из налётчиков, бригадира, Перепёлка. Антропоним подтверждается внешностью персонажа: «бандит, похожий на перепёлку» [7], «грабитель, похожий на перепёлку» [9]. На его оголодавшего подчинённого находит морок: «Показалось ему с голодухи, что центральной бригадир Нерон Перепёлка не Нерон вовсе и не центральной, а жирная жареная перепёлка, <...> и тот губёхи-то распустил, рот приоткрыл, ключ свой нотный развесил, облизнулся от предвкушения, вот она!» [100–101]. Аппетитное яство чудится и самому Нерону – на небе, вместо луны: «корчит рожи жареным пухом <...>, корчит, глумится, свистит, кочевряжится...» [103].

Шокированной потерей тела / торта Тетель «говорит вычурно» [26], начиная речь со слегка переиначенной цитаты из пьесы А.П. Чехова: «Люди, львы, орлы и перепёлка!» [26]. Неоднократно образ используется для сравнений: ножницы подобны «клювику перепёлки» [16], мобильный телефон трезвонит «злосчастной перепёлкой Россини» [42], «время взлетает перепёлкой Россини с насиженного места» [134], предпочитающий плоские шутки налётчик именуется «перепёлкой комизма» [43, 66].

В самом начале «Хохота» А.В. Королёв замечает, что птица проклёвывается из «мирового яйца» [5], т. е. иронически повышает статус перепёлки до божественного. По версии И.С. Скоропановой, смех создателя мира, на который указывается в романе, напрямую соотносится с Птахом (2020, с. 188),

¹ Скорее всего, подагру короля пытались лечить клизмами и кровопусканием (Боровков, Боровикова, 2014, с. 76). Но обыватели того времени панацеей от «аристократической болезни» считали кровь попугаев, помёт голубей, слёзы девственниц.

«творцом мира, богом правды и порядка» (Брокгауз, Ефрон, 2003, с. 435). Знамательно, на наш взгляд, созвучие лексем «Птах» и «птаха». Потом повествователь объявляет перепёлку символом движения сюжета, называет «бронзовой брошкой <...> в пупке у романа» [104]. В первой главе произведения значится: «...перепёлка Россини ещё только начала свой жареный полёт на дно сюжета и летит по параболе, кувыркаясь в тёмных облачных невзгодах России, целя в точку зенита [8]. В середине «Хохота», в шестой главе, написано: «...в безоблачном небе романа вертится проклятая перепёлка Россини, дурёха, фаршированная трюфелями, кривляется перебивкой сюжета, отливает жирными ляжками...» (Королёв 2018, с. 66). Судя по вставкам из дневника, автор заранее отводит этому образу роль персонажа, завершающего повествование:

Из дневника:

Придумал последнюю фразу романа: перепёлка падает в воду.

Плюх!

Всё [66].

В эпилоге А.В. Королёв исполняет задуманное. Сначала повествователь уверяет читателя, что фаршированная птица «та самая, нашпигованная трюфелями из начала романа...» [157]. Затем живописует сложности охоты Тетеля на героиню, прибегая к апории Зенона об Ахиллесе и черепахе. Потом ставит под сомнение недостижимость цели, вспоминая метрологический эффект, именуемый квантовым парадоксом Зенона. И, наконец, провозглашает всеисилие Художника:

...То, что не по плечу ни герою, ни Ахиллу, ни даже Зенону, вполне по силе автору, который – смотрите – легко пронзает неподвижной стрелой неподвижную курицу, после чего та, припеваючи, падает в воду.

Плюх.

И только круги по воде.

Тут и конец моему роману [158].

Как было продемонстрировано выше, А.В. Королёв изменяет цитаты, переиначивает факты, чтобы чаще упомянуть перепёлку. Можно предположить, что основания для этого следующие:

1. В роман, посвящённый съедобности, писателю важно ввести алиментарный образ; перепел – деликатес, признанный гурманами всего мира.
2. Замечательный аппетит самих перепелов делает ассоциации с питанием ещё более устойчивыми.
3. Принципиальна незначительность, незаметность птицы – в противовес её весомой степени участия в событиях.
4. Существенен символический аспект народной традиции – ярко выраженная женская символика (Гура, 2004, с. 688); и, соответственно, недалёкость, издавна приписываемая женскому полу («вертелась перед

стрелой, как кокетка вертится перед зеркалом» [157], «дурёха» [157], «набитая дура» [6] (каламбур о фарше)).

5. Квохтанье самки действительно напоминает смех.
6. Определённую роль играют и такие качества перепелов, как скороспелость, плодовитость, активность полового поведения. В указанном контексте показательно сравнение сестры милосердия, привычно и весело предающейся утехам с врачом, с хохочущей перепёлкой, «фаршированной фигами» [62] (снова используется каламбур: фи́га как плод растения и как неприличный жест, имеющий обценную семантику).

История с упущенной в воду едой делается метафорой горького смеха. В ней – сладость предвкушения и боль утраты.

Гастрономическая детализация

Одним из достоинств А.В. Королёва-писателя является умение передавать тончайшие оттенки цвета, звука, запаха. Что принципиально важно для «кулинарного» текста. Показательным примером служит эпизод, когда в холодильной камере «собачий нюх» [25] галериста Ахилла Каблукова улавливает аромат похищенного шедевра: «сладкую вонь ванили, в ушах которой сквозили дырочки от иголок корицы и висели туманной серьгой ароматы клубники» [25]; значима антропоморфическая составляющая этой изысканности ассоциаций. Впечатляют и менее поэтичные описания: булькающие в воде свиные сардельки [81], яство-месиво «из оконца Макдоналдса» [99]. «В “Хохоте” много эпизодов, сделанных избыточно, роскошно, с применением всех новейших писательских технологий», – пишет В.А. Толстов (2018). «Количество упомянутых блюд удивляет, качество же их описаний – интригует», – отмечает К. Ямщиков (2019).

В роман включены два подробных рецепта: антре из говяжьего филе с огурцами [105], шоколада (бёф-буиф) [130]. А также **ряд меню**. Позволим себе процитировать несколько перечислений.

Придворный повар Ватель к постному столу принца Конде, принимающего у себя в родовом замке Людовика XIV, планирует приготовить:

...суп а-ля рен, из рейнской стерляди, в белом вине и с протёртыми шампиньонами, сдобренный молоками и гранатом! Затем, на антреме королю предложат на выбор медальоны из лосося в нежном соусе из красного вина и корицы с гвоздикой, или форель, или палтус под белым вином с бискайскими устрицами, бланшированные, с верже под сливочным соусом [113].

Рис. 3. О. Беерт Старший «Натюрморт с устрицами, фруктами и вином»

Fig. 3. O. Berth Senior “Still Life with Oysters, Fruit, and Wine.”

К ночному свиданию принца крови с мадемуазель Монпасье тот же Ватель

...ставит на карточный столик сюрту, следом – вафельные трубочки убли с белым кремом, затем вазочку с мармеладом из португальской айвы <...>, украшает тарелку десерта кистью сладкого чёрного винограда без косточек, симметрично выкладывает на большое блюдо из закрытой корзинки устрицы с накрошенным льдом, режет сырые лимоны... [123].

А потом извлекает из шкафа

маспен... пти пате и пти шу... <...> пуллены, а в придачу – отменное фрикандо и бутылку красного росоли... [126] (изысканный набор кулинарных терминов – знак эвфемизации продуктов питания¹; далее А.В. Королёв помещает их объяснение).

Обширное свадебное меню пражского гетто перечисляется в сцене превращения молодого сапожника в Голема, когда страшное жевало, появившееся из его живота,

¹ Термин М.К. Голованивской (2014, с. 208).

...наматывает на себя и латкес из мацы, и форшмак, и монелахи, и чолит с kneйдлах, и хэзель, и харасет, и тейглах, и кисло-сладкие тефтели... [37–38]¹.

Ниже даётся список блюд к похоронной трапезе:

...тарелка гефилте фиш с жареным луком, тарелка ингберлах из мацы, тарелка креплах с куриным мясом, ангемахц из редьки в меду и тарелка путер гебекс, политых сиропом [40].

В сцене визита Лени Риф в клинику для умалишённых изображается стол в кабинете доктора Хольста:

...обглоданная селёдка, очищенное надкушенное яйцо, недоеденный хлеб. Крошки хлеба, шкурка рыбы и чешуя, яичная скорлупа. Половинка яйца сохраняет следы зубов едока. Желток выкатил шариком центра из круглой пещерки белка прямо на стол [55].

Повествователем отмечается смена характера описания: «Короче – неряшливая опись жратвы в духе немецкого экспрессионизма, где застолье всегда отдаёт мертвечиной символики» [55].

Колоритен перечень продуктов, которые Тетель покупает для Даниила Хармса: «...шмат ветчины, булка, брус сливочного масла, бутылка водки и банка варенья для чая» [80]. Сам Хармс в «Астории» требует у официанта «кофе с огурцами, чай с вареными яйцами, хуся и хуропаток...» [82]. В выборе еды поклонник зауми явно не ориентируется на пищевую сочетаемость.

Одурманенному Пете видится «домик с крышей, выложенной леденцами, булочками и крендельками» [45], «круглыми пряниками и пирожками» [68]. Яства с крыши Квасков намеревается запивать квасом и заедать квашеной капустой² [69].

Содержателен и специфичен список съестных припасов, которые Петя вымогает у псевдо-Каблукова:

Три кило велкомовской колбасы в синюхе... <...> В оболочке! Сосисок всяких, сарделек. <...> Потом шпротов консервных с десяточек. Хлеба пару-тройку буханок. Две чёрного и три белого. Селёдочки слабо-солёной жестяной барабан. Скумбрии копчёной, без головы. <...> Наборы к пивку из обрезков горбуши. Кетчупа бутылёк, колбаску кровкой закапать. Минералочки. Липтона сюда же плюсуей. Так, икорки с лимоном, конечно [66–67].

¹ Голем здесь изображается как панфаг, в средневековом воображении – «максимально поедающий Чужой» (Якушенкова, 2014, с. 321).

² Автор наделяет многих героев «съедобными» фамилиями: налётчики Квасков, Халва, Перепёлка (см. выше), судебный защитник Тефтель, обвинитель Штрудель.

Рис. 4. А.В. Корабельников «Холостяцкий завтрак»

Fig. 4. A.V. Korabelnikov “Bachelor's breakfast”

По словам Е.Е. Левкиевской, пищевое поведение людей – один «... из важнейших идентификационных кодов, позволяющих отличить... “своего” от “чужого”, определить социальный, религиозный, возрастной, гендерный статус человека» (2011, с. 37). «Чужой в нашем сознании обязан отличаться своими вкусовыми предпочтениями, и чем сильнее эти различия – тем более Чужим он воспринимается» (Алиев & Якушенкова, 2018, с. 161). По вкусовым предпочтениям героев «Хохота» можно установить страну, в которой они живут, эпоху, их образ жизни, уровень достатка. Первый эпиграф к роману вполне точно выражает эту мысль: «Человек есть то, что он ест» [5]. (Изречение якобы принадлежит Конфуцию; по всей вероятности, писателем использован перевод фейербаховского «Der Mensch ist, was er isst»¹.)

Мифопоэтика пищи

Образные единицы лексико-фразеологического поля «еда» неоднократно используются в романе для характеристики женской привлекательности: «пышка» [82] Антонина Михайловна Оранжева с пальцем-«леденцом» [85],

¹ А.В. Королёв «исправляет» большинство цитат, приписывает, «передаривает» их другим знаменитостям.

мадам де Монтеспан с «молочной грудью» [104], мадемуазель Монпансье с родинкой цвета кофе [111] (либо корицы [126]) на бюсте и «изюмными родинками на животе» [129]. О.М. Фрейденберг пишет: «“Поест” значит “соединиться”, тоже обценное значение лежит в метафорах “варки”, блюда, “кушанья”, “повар” приобретает семантику оплодотворителя – мужа, любовника, жениха» (Фрейденберг, 1997, с. 75). В «Хохоте» история недолгой связи молоденькой гризетки с поваром-виртуозом теснейшим образом сопряжена с тайной приготовления шедеврального десерта. Открыто мотивы еды и соития сочетаются при описании любовных утех в клинике для умалишённых. «Рука [врача] тискает аппетитную ножку» [59]; «...шкодливый язычок медсестры облизывает влажные губы» [60]; «доктор жадно сдирает с бюста лоснистую шкурку из шёлка, <...> и начинает, урча сосать крупный сизый кружок утопленного в кожу соска. Сосок начинает всплывать из тельного теста сизым пупком» [60] и т.д. Все эти детали акцентируют мотив грубой чувственности. «...Похоть Адама к Еве и яблоку – одного поля ягоды» [152], – убеждён протагонист романа Тетель.

Пищу всерьёз называют основой истории человечества и ее главной движущей силой (Павловская, 2015, с. 8). В «Хохоте» она провозглашается **субстратом сущего**. В частности, А.В. Королёв пишет о поверье кулинаров, согласно которому пражский ребе доктор Лёве сотворил «тот самый первый легендарный Голем <...> не из глины, как это известно всем ценителям мистики, а из еды со свадебного стола: немножко из мацы, немножко из цимеса, да и без форшмака не обошлось [30–31]. С историей согласуется описание превращения Мойзеса в чудовище, «плоть которого есть та еда и предметы еды» [38]. Идея «гастрономической *materia prima*» актуализируется также в рассказе о творениях итальянского маньериста Джузеппе Арчимбольдо, который выполнял портреты, составленные из «съедобных» элементов, и о проектах его потомка Джулио, того самого, который якобы сотворил торт / тело.

Концепция тотальной съедобности подкрепляется мотивом **поедания себе подобных**. А.В. Королёв комически переиначивает фрагмент стихотворения Н.А. Заболоцкого «Лодейников в саду»¹, вводит несколько почти «обэриутских» слов. Тонкая пародия на философскую лирику травестируется. Здесь явно проявляет себя авторская установка на создание произведения «в духе гиньоля, с упором на китч» (Королёв 2011).

¹ Либо соответствующего отрывка из поэмы «Лодейников».

Если Лодейникова, первоначально погружённого в романтические грёзы, ужасает внезапно осознанная жестокость мира природы, то Нерон Перепёлкин искренне завидует рациональному построению трофической сети и сожалеет о том, что не может поучаствовать в этой ночной вакханалии.

Сходные мысли звучат в других фрагментах. Ночное небо видится голодному Нерону скоплением еды:

...вот созвездие Рыбы... рядышком медвежатица (целых две! Большая и Малая), а ещё созвездие Лебедь раскинуло два крыла. Недалеко Лисичка... Жираф, блин... Заяц на гриле... Кит... Геркулес (овсянка)... хороша каша, да не наша... Даже Ворон содился б. Луна горячим блином испеклась на ночной синеве [102].

Повествователь иронизирует по поводу судьбы «эстетов-братков» [98], похитивших «сладкую андрогинную дрянью» [135], вспоминает инсталляцию О.Б. Кулика «Классик и куры», представляющую собой фигуру Л.Н. Толстого, на которую методично капает помёт из поставленной сверху клетки с птицами: «Семь кур браткам на три дня вполне. Ели б, да ещё и похваливали б наше искусство» [99]. Далее следует рассказ об акции на Тишинском рынке (1986 год), когда переодевшийся Христом художник держал в руках две коровьих ноги, призывая покупателей перестать проливать кровь животных [122]. Нерон Перепёлка объясняет возросшие продажи чарующим действием мяса, которое «...крово-красное, свежее, порезанное большими кусками, производит на публику впечатление ужаса, вот почему для успеха любой акции мясо необходимо» [121].

Достаточно часто в «Хохоте» звучит тема **антропофагии**. Иногда исподволь. Например, когда вводится имя Жана Бокассы, африканского диктатора, которому было предъявлено обвинение в каннибализме [28]. Или когда в бреду вымышленный герой Иван Квасков принимает своего напарника за деликатес и пытается попробовать на вкус. В угаре тому же Кваскову чудится то людоедка-волшебница, то Баба-яга, и та и другая испытывают к нему чисто гастрономический интерес.

В первой главе романа А.В. Королёв описывает арт-проект 1998 года, когда в московской галерее наивного искусства «Дар» организовали коллективную дегустацию 80-килограммового торта «Мавзолей. Ритуальная модель, или Ленин в тебе и во мне». Писатель перечисляет «вкусные» детали: бисквит, «шоколадно-вафельный гроб» [7], «подушку из алого безе» [7], «мозг из мармелада и крем-брюле» [7]; отмечает царивший в зале ажиотаж:

Части головы делили по жребию.
Лопатка кондитера блаженно резала мякоть бисквита.
Кто-то ел уши, кому-то достался лоб Ильича.
Мозг <...> толкнули на минаукиционе [7].

Рис. 6. О.Б. Кулик «Классик и куры» (инсталляция)

Figure 6. O.B. Kulik “Classic and Chickens” (installation)

В своё время А.К. Якимович в «теоретическом обосновании» акции разъяснял, что её нужно воспринимать не как акт каннибализма, а как «признак цивилизованности – что-то вроде причащения к телу Христову» (Бражкина). С.Н. Магнитов, напротив, назвал выставку «дерзким, циничным глумлением над одним из основных христианских обрядов – Таинством Евхаристии» (Магнитов, 2003), сравнив участников скандальной дегустации с сектой сатанистов-трупоедов. В.А. Королёв в романе «Хохот» напрямую сопрягает мотивы антропофагии и восстания, определяя это «...публичное людоедство как пародию на аппетит революции, каковая всегда пожирает своих детей, и одновременно намёк на живучесть каннибализма» [7]. Писатель передаёт близкую к сакральной атмосферу происходящего: «...попали лишь самые избранные. Только свои. <...> Собрались по-родственному, кружком вокруг дорогого покойника» [7]. Тем самым он проводит параллель между изображаемым перформансом и вечерами любви. А в интервью уточняет: «...все мои герои <...> давятся этими кусками “жуткого торта”» (Хлебников, 2019).

Рис. 7. О.Б. Кулик «Новая проповедь» (акция на Даниловском рынке)
Figure 7. O.B. Kulik “New Sermon” (action at Danilovsky market)

Рис. 8. Ю. Шабельников, Ю. Фесенко «Мавзолей. Ритуальная модель, или Ленин в тебе и во мне» (арт-проект).
Fig. 8. Yu. Shabelnikov, Yu. Fesenko “Mausoleum. Ritual Model, or Lenin in You and Me” (art project)

Описание двойника Э. Пресли повторяется несколько раз, оно подчёркнуто избыточно:

...грильяжные брови, зубы из миндаля, ногти из арахиса, брелок из халвы, наушники из нуги, полупрозрачные очки из лимонно-жёлтых цукатов, браслеты из рахат-лукума, перстень на срединном пальце правой руки с камнем из кураги... [9]. И т.д.

Эта детализация:

- демонстрирует изощрённость кулинарного искусства;
- пародирует «Песнь Песней» (ср.: «...груди твои были бы вместо кистей винограда, и запах от ноздрей твоих, как от яблоков; 10 уста твои – как отличное вино» [Пн. 7: 9–10]¹);
- акцентирует мысль о съедобности тела как такового.

В акции Псевдо-Каблукова распланировано всё, вплоть до пикантных деталей: «...В миг поедания сладкий Элвис (с помощью электроники) должен был восстать из джакузи и запеть в микрофон свой дивный шлягер “Люби меня нежно”, и унять его ор можно будет только отхватывая от певца зубами порционные куски тела (торта)» [23]. Тут же Тетелем обозначается недвусмысленная идея перформанса: «Каннибализм в чистом виде! Оральный шик! Племя фанатов поедает свой Тотем!» [23]. Обратим внимание на лексему «восстать» – вновь в изображении ритуала поедания содержится аллюзия на религиозный текст.

Рис. 9. Фото из открытых источников

Fig. 9. Photo from public sources

¹ В портрете Рахили (глава «Голем») отсылка прямо обозначена: «...Как две половинки гранатового яблока – ланиты твои...» <...> Он [сапожник Мойзес] взял слова Соломона из Песни Песней, потому что так чувствовал сам...» [33].

Во многом повторяет описанный дважды ритуал воспроизведённый обычаем поваров: выпеченная фигурка Голема разламывается «на число кондитеров и съедается каждым по кусочку словно просфора» [30]. «Разъединение» хлебной жертвы, её раздача и «вкушение соучастникам» (Фрейденберг, 1997, с. 60) само по себе значимо. Тот факт, что кондитеры придают ей антропоморфный облик, делает семантику жертвоприношения более прозрачной. Такое символическое убийство на мифологическом уровне делает возможным дальнейшее воскресение сверхсущества.

Кусочек плоти, который ослеплённый ревностью старший сын отсекает у своего отца, Аарона, падает «на свадебный стол, поставленный во дворе жениха» [35–36]. Здесь можно усмотреть отсылку к архаической вере в целительную омолаживающую силу подобных ингредиентов. А также – имплицитно – обращение к структуре мифологического мировоззрения, предполагающей тесную связь мотивов мучительной смерти (насилия), страсти и еды. Более отчётливо это проявляется на примере образа Голема: равви Лёв исполняет желание молодого Мойзеса, все начинают любить прекрасную Рахиль, так же сильно, как он, даже еда «желает стать женихом, <...> хочет утолить вожделение. Еда тоже хочет отведать невесты» [38]. «Обрезок» [38] человеческой плоти становится частью фаллоса существа, состоящего из блюд со свадебного стола. Мозги из расколотой головы Иакима, среднего сына Аарона, попадают «к гефилте фиш с жареным луком» [39], а печень Иафета, младшего брата, «в кипящий котел с кишками барана» [39]. Голова каббалиста Лёва, пробуждённого через 200 лет мертвеца, оказывается лепёшкой, сделанной из пасхальной мацы [41].

Обратимость еды в едока, превращение блюд для свадебного торжества в блюда для похоронной трапезы – принципиально важные для понимания идеи «Хохота» инверсии. Их символика не просто отсылает к архаическим представлениям, она имеет концептуальную подоплёку. А.В. Королёв выводит образ жертвы, в разных ипостасях, на первый план. С проблемой жестокости связаны многие линии романа: дворцовые интриги при дворе Бурбонов, массовая пропаганда времён Третьего Рейха, сталинская система террора и доносительства, «Норд-Ост». Незамысловатую мораль в эпилоге произносит сам повествователь: «...Скажем только в назидание читателю, что от исполнения желаний (жратва, карьера, деньги и секс) жизнь жутко скукоживается, потому что придумать новое вожделение – проблема» [141].

Выводы

В «Хохоте» ставится вопрос о природе комизма, его обусловленности противоречием между ожидаемым и полученным, великим и малым, видимостью и сущим (почти по В.Я. Проппу (1997)). Автор обращает внимание на проблему «исключения смеха как формы оценки из нашей жизни»

(Королёв, 2011). Произведение открывает афоризм о еде. Два этих физиологических процесса противопоставляются А.В. Королёвым и провозглашаются взаимоисключающими: «Во время еды – смех неуместен...» якобы заявляет Людовик XIV [104]; «Еда и смех несовместны», – вторит ему королевский повар [134]; «Харчи отрицают хохот» [147], – формулирует убеждения Тетеля его оппонент Тефтель¹.

Отзывы критиков по поводу философской концепции произведения очень разнятся. «...Смех в романе всегда находится рядом с едой, смертью и любовными перипетиями: в самых уязвимых, искушаемых и греховных аспектах жизни», – замечает И. Уэйкем (2019). На наш взгляд, позицию автора выражает главный герой романа. Смех, по его мнению, враг тирании [20], он может «внести в идеальный план мироздания небольшую погрешность» [148], способную оживить макрокосм. Противоположность смеха – процесс поглощения пищи, еда «исполнена ужаса» [152], «аппетит творенья позорит Творца» [152]. В противовес раблезианским картинами А.В. Королёв вводит замечания об арестантской норме в тюремной больнице – 125 граммов хлеба в день [89], ленинградской пайке рабочего в 1942 году – 250 граммов [99]; вспоминает, что ребёнком «мог вполне утолить голод в желудке аппетитом собственных глаз» [103].

Ещё ни в одном произведении писателя так наглядно и подробно не воссоздавалась панорама современного гедонизма. Роман А.В. Королёва можно было бы назвать «Историей мировой гурМании».

Список литературы

- Алиев, Р. Т., & Якушенкова, О. С. (2018). Алиментарные модели Воображаемого Чужого. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4, 160–166.
- Барт, Р. (2003). К психосоциологии современного питания. В Р. Барт, *Система Моды: Статьи по семиотике культуры* (с. 366–377). Издательство им. Сабашниковых.
- Боровков, Н. Н., & Боровкова, Н. Ю. (2014). Последняя болезнь Людовика XIV. *Архивъ внутренней медицины*, 6, 74–77.
- Бражкина, А. В. (1988). 1998. *Торт Ленин. Шабельников, Фесенко. Art-Протест. Запрещённое искусство*. <https://artprotest.org/cgi-bin/news.pl?id=3108>
- Брокгауз, Ф., & Ефрон, И. (2003). *Энциклопедический словарь*. Эксмо.
- Головановская, М. К. (2014). Мясо и молоко как диалектическая пара. В *Еда и культура: Сборник материалов симпозиума* (с. 203–214). Московский государственный университет.
- Гура, А. В. (2004). Перепёлка. В Н. И. Толстой (Ред.), *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 томах: Т. III* (с. 688–690). Международные отношения.

¹ Ср. с работой В.С. Елистратова, в которой фагология и гелология («смеховедение»), напротив, определяются как типологически очень близкие культурологические дисциплины (2014, с. 46–47).

- Елистратов, В. С. (2014). О региональной фагологии. *Еда и культура: сборник материалов симпозиума*, 44–51.
- Заболоцкий, Н. А. (1983). *Собрание сочинений: В 3 томах: Т. I. Художественная литература*.
- Королёв, А. В. (2011). «Я озабочен утяжелением ноши существования человека...»: Интервью. Частный Корреспондент. «Литература online». http://www.chaskor.ru/article/anatolij_korolev_ya_ozabochen_utyazheleniem_noshi_s_ushchestvovaniya_cheloveka_23674
- Королёв, А. В. (2018). *Хохот: Роман*. ArsisBooks.
- Левкиевская, Е. Е. (2011). Пища повседневная и пища ритуальная: Механизмы переключения аксиологических кодов. В Н. В. Злыднева (Ред.), *Коды повседневности в славянской культуре: Еда и одежда* (с. 37–47). Алетейя.
- Магнитов, С. Н. (2003). *Аналитика. Академия Тринитризма: электронное периодическое издание*. <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0009/001a/00090007.htm>
- Павловская, А. В. (2014). Нужна ли нам наука о еде? *Еда и культура: сборник материалов симпозиума*, 7–43.
- Пропп, В. Я. (2011). *Проблемы коллизма и смеха*. Алетейя.
- Саморукова, И. В. (2011). Метафизика курятника: Куриная символика позднесоветского периода. *Новое литературное обозрение*, 1, 153–163.
- Скоропанова, И. С. (2020). Феномен смеха в романе Анатолия Королёва «Хохот». В И. С. Скоропанова (Ред.), *Анализ одного произведения: Сборник научных статей* (с. 185–219). ИВЦ Минфина.
- Толстов, В. А. (2018). Солёное ухо на левой щеке. *Урал: литературный журнал*, 9. <http://uraljournal.ru/work-2018-9-1880>
- Уэйкем, И. (2019). Эссе «Хохот» по одноимённому роману А. Королёва. *Литературный салон «Рассвет XXI»*. <https://vk.com/@salonrassvet-esse-hohot-po-odnoimennomu-romanu-a-koroleva>
- Фарино, Е. (2004). *Введение в литературоведение*. Издательство РГПУ им. А.И. Герцена.
- Фрейденберг, О. М. (1997). *Поэтика сюжета и жанра* (Н. В. Брагинская, Ред.). Лабиринт.
- Хлебников, О. Н. (2019). Анатолий Королёв: «Я угодил в ловушку мироздания»: Разговор с писателем о его новом романе «Хохот», Боге, дьяволе и современном искусстве. *Новая газета*, 58. <https://novayagazeta.ru/articles/2019/05/31/80714-anatolij-korolev-ya-ugodil-v-lovushku-mirozdaniya>
- Юрина, Е. А. (2015). «Пищевая метафора»: Объём и границы понятия. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 3–1, 207–212.
- Якушенкова, О. С. (2014). Скажи, что ты ешь, и я скажу, кто ты. Алиментарный культурный диалог с Чужим. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 2, 319–326.
- Ямщиков, К. (2019). «История ненасытимости» в новом романе Анатолия Королёва. Ревизор: информационный портал о культуре в России и за рубежом. <http://www.revizor.ru/literature/reviews/istoriya-nenasytimosti-v-novom-romane-anatoliya-koroleva/>

References

- Aliev, R. T., & Yakushenkova, O. S. (2018). Alimentary models of the Imaginary Other. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 4, 160–166. (In Russian).
- Barth, R. (2003). Toward a psychosociology of modern nutrition. In R. Barth, *The Fashion System: Articles on the Semiotics of Culture* (pp. 366–377). Publishing house named after Sabashnikov. (In Russian).
- Borovkov, N. N., & Borovkova, N. Yu. The Last Sickness of Louis XIV. *Archives of Internal Medicine*, 6, 74–77. (In Russian).
- Brazhkina, A. V. (1988). 1998. *Cake Lenin. Shabelnikov, Fesenko. Art-Protest. Forbidden Art.* <https://artprotest.org/cgi-bin/news.pl?id=3108> (In Russian).
- Brockhaus, F., & Ephron, I. (2003). *Encyclopedic Dictionary.* Eksmo. (In Russian).
- Elistratov, V. S. (2014). On regional phagology. *Food and Culture: Symposium Proceedings*, 44–51. (In Russian).
- Farino, E. (2004). *Introduction to Literary Studies.* Publishing house of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen. (In Russian).
- Freidenberg, O. M. (1997). *The Poetics of Plot and Genre* (N. V. Braginskaya, Ed.). Labyrinth. (In Russian).
- Golovanivskaya, M. K. (2014). Meat and milk as a dialectical pair. In *Food and Culture: Symposium Proceedings* (pp. 203–214). Moscow State University. (In Russian).
- Gura, A. V. (2004). Quail. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: In 5 Volumes: Volume III.* (pp. 688–690). International Relations. (In Russian).
- Khlebnikov, O. N. (2019). Anatoly Korolev: “I got caught in the trap of creation.” A conversation with the writer about his new novel “Laughter,” God, the devil, and contemporary art. *Novaya Gazeta*, 58. <https://novayagazeta.ru/articles/2019/05/31/80714-anatoliy-korolev-ya-ugodil-v-lovushku-mirozdaniya> (In Russian).
- Korolev, A. V. (2011). “I am concerned about the weighting of the burden of human existence...”: Interview. Private Correspondent. “Literature Online”. http://www.chaskor.ru/article/anatolij_korolev_ya_ozabochen_utyazheleniem_noshi_s_ushchestvovaniya_cheloveka_23674 (In Russian).
- Korolev, A. V. (2018). *Laughter: A Novel.* ArsisBooks. (In Russian).
- Levkievskaya, E. E. (2011). Food Everyday and Ritual Food: Mechanisms of Switching Axiological Codes. In N. V. Zlydneva (Ed.), *Codes of everyday life in Slavic culture: Food and clothing* (pp. 37–47). Aletheia. (In Russian).
- Magnitov, S. N. (2003). *Analytics.* Academy of Trinitism: an electronic periodical. <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0009/001a/00090007.htm> (In Russian).
- Pavlovskaya, A. V. (2014). Do we need a science of food? *Food and Culture: Symposium Proceedings*, 7–43. (In Russian).
- Propp, V. Ya. (2011). *The Problems of Comedy and Laughter.* Aletheia. (In Russian).
- Samorukova, I. V. (2011). Metaphysics of the Hen House: Hen Symbolism of the Late Soviet Period. *New Literary Review*, 1, 153–163. (In Russian).

- Skoropanova, I. S. (2020). The phenomenon of laughter in Anatoly Korolev's novel "Khokhot". In I. C. Skoropanova (Ed.), *Analysis of One Work: A Collection of Scientific Articles* (pp. 185–219). Data-processing center of the Ministry of Finance. (In Russian).
- Tolstov, V. A. (2018). Salty ear on the left cheek. *Ural: literary magazine*, 9. <http://uraljournal.ru/work-2018-9-1880> (In Russian).
- Wakem, E. (2019). The essay "Laughter" based on the novel of the same name by A. Korolev. Korolev. *Literary Salon "Sunrise XXI"*. <https://vk.com/@salonrassvet-esse-hohot-po-odnoimennomu-romanu-a-koroleva> (In Russian).
- Yakushenkova, O. S. (2014). Tell me what you eat, and I'll tell you who you are. Alimentary Cultural Dialogue with the Other. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2, 319–326. (In Russian).
- Yamshchikov, K. (2019). "The Story of Unsatisfiability" in Anatoly Korolev's new novel. Revizor: information portal about culture in Russia and abroad. <http://www.revizor.ru/literature/reviews/istoriya-nenasytivosti-v-novom-romane-anatoliya-koroleva/> (In Russian).
- Yurina, E. A. (2015). "Food metaphor": Scope and boundaries of the concept. *Bulletin of Kemerovo State University*, 3–1, 207–212. (In Russian).
- Zabolotsky, N. A. (1983). *Collected Works: In Three Volumes: Volume I. Khudozhestvennaya Literatura*. (In Russian).